

Герхард Терстеген

**ДУХОВНЫЕ И НАЗИДАТЕЛЬНЫЕ ПИСЬМА
О ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ И ИСТИННОЙ СУТИ ХРИСТИАНСТВА:
ПИСЬМА 1-5*
(перевод игумена Петра (Мещеринова В. А.))**

Аннотация

Отказавшись от традиционных способов духовного окормления верующих, ранние протестантские общины были вынуждены искать новые формы взаимной духовной поддержки, аскетической и педагогической практики. К середине XVIII в. уже сложилась практика душепопечения, основанная на сосредоточении на внутренней жизни верующего и восходящая к мистике и аскетике Древней Церкви.

Яркий представитель данного направления церковной жизни в традиционном протестантизме Герхард Терстеген состоял в переписке с многочисленными верующими, ищущими духовной поддержки. Читателю предлагается ознакомиться с несколькими письмами мыслителя, что позволит расширить интеллектуальный кругозор и обнаружить потенциал для взаимного обогащения между христианскими конфессиями.

Ключевые слова: Герхард Терстеген, протестантизм, Реформатская церковь, христианская мистика, переписка, духовная жизнь

Предисловие к переводу

Герхард Терстеген — протестантский мистик и проповедник XVIII в., оказавший существенное влияние на богословие, душепопечение и индивидуальную аскезу в современной ему протестантской церкви**. Терстеген пользовался популярностью и уважением и в России***, что позволило значительно разнообразить духовную жизнь в синодальную эпоху — период

---

* Geistliche und erbauliche Briefe über das inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums von weiland Gerhard Tersteegen. Colingen, 1773.

** Имеется в виду Реформатская церковь, к которой относился Терстеген. См.: *Петр (Мещеринов), игум.* Герхард Терстеген. Жизнеописание [Электронный ресурс] / игумен Петр (Мещеринов) // Bogoslov.ru. URL: <http://archive.bogoslov.ru/text/5867284.html> (дата обращения: 1.03.2020).

*** *Tersteegen G.* Geistliche und Erbauliche Briefe über das Inwendige Leben und wahre Wesen des Christentums / Gerhard Tersteegen. Zweiter Band. III Teil. Speldorf bei Mülheim an der Ruhr, 1799. P. 237.

«имперского православия», в течение которого происходила своего рода консервация не только богословия, но и практики церковной жизни.

Устойчивые конструкции, раз и навсегда сформулированные и сформированные в конкретный период времени, вряд ли могут ответить на личные экзистенциальные запросы. Образованная часть российского общества в XVIII — нач. XIX в. в поисках удовлетворения потребности в богообщении обращается к опыту Западной Церкви — и обнаруживает там произведения, имена и целые направления, дающие пищу для осмысления христианского мистического опыта. Ярким примером плодотворности такого поиска можно считать хорошо известный «казус» ежедневной молитвы святителя Филарета Московского, которая практически дословно совпадает с молитвой французского богослова, последователя мистического направления квиетизма Франсуа Фенелона*.

Интерес ищущих религиозных переживаний российских интеллектуалов к протестантским авторам тем более оправдан: в отличие от католических мистиков, протестанты стремились не к развитию существующей традиции, а к возвращению к ее истокам, благодаря чему многие их труды наполнены прямыми и косвенными цитатами из творений святых отцов. Тот же Терстеген был хорошо знаком с сочинениями древних отцов-аскетов. Особенно он почитал преп. Макария Великого, преп. Ефрема Сирина, преп. Иоанна Лествичника**.

Прошедшие два-три столетия мало изменили природу человеческой личности. Вопросы экзистенциального поиска, духовных потребностей, смысла жизни остаются для человека актуальными. И в этом смысле обращение к авторам разных эпох и культур могут помочь отыскать новые пути в решении и постановке этих и подобных им религиозных и даже метарелигиозных проблем.

Адресаты предлагаемых читателю писем Герхарда Терстегена неизвестны: Терстеген уничтожал входящие письма, в которых могли находиться подписи. Косвенных данных также найти не удалось. Однако из текста понятно, что между Терстегином и его адресатами существовали специфические духовные взаимоотношения, которые можно кратко охарактеризовать следующим образом. Поскольку традиция частной исповеди в протестантизме сошла на нет, а духовная потребность в ней у людей, стремящихся к насыщенной духовной жизни, осталась, Бог даровал им в рамках мистического пиетизма традицию, аналогичную монашескому старчеству: духовно одаренные и опытные миряне, поколенчески перенимая друг у друга

* *Фенелон* Ф. Многія важныя разсужденія и наставленія о благочестіи, нравахъ и внутренней жизни хрістіанъ / Франсуа де Салиньяк де ла Мот-Фенелон. Моск. губерн. тип., 1799. С. 184.

** *Tersteegen* G. Geistliche und Erbauliche Briefe... P. 462–470.

*Герхард Терстеген Духовные и назидательные письма
о внутренней жизни и истинной сути христианства:
письма 1-5 (перевод игумена Петра (Мещеринова В. А.))*

опыт внутренней жизни, становились душепопечителями для жаждущих научения в молитве и внимательной внутренней жизни. Таким душепопечителем и был Терстеген.

Поскольку подобная аскетико-педагогическая практика выходила за рамки протестантской церковности, эти миряне в той или иной мере уклонялись от церковной жизни. Можно назвать этот феномен церковным сепаратизмом, хотя объективно он может быть охарактеризован как возвращение к древнецерковной традиции.

Игумен Петр (Мещеринов В. А.)

Письмо 1-е

Краткое изложение истинного христианства
по четырем изречениям Евангелия:

*Кто хочет идти за Мною, 1) отвергнись себя, 2) и возьми крест свой,
3) и следуй за Мною (Мф. 16, 24), 4) всегда молясь (Лк. 18, 1).*

Во Христе Иисусе, нашем благословенном Спасителе,
досточтимая сестра!

Я не раз собирался написать вам несколько строк; впрочем, поскольку я с вами не знаком лично, и мне неизвестно внутреннее устройство вашей души, то намерение это до сих пор откладывалось. Но время от времени я поминал вас в своих слабых молитвах. Прежде всего я благодарил Бога, и не перестаю благодарить, что Он по великой Своей милости стал просвещать ваши очи, чтобы вы смогли уразуметь греховное повреждение человека, ничтожность мира сего и важность предметов вечных; также, что Он дал вам — надеюсь, искреннее — желание и стремление истинно исцелиться от своих грехов, дабы, в отрешении от всякой суеты, жить в благоугождении Господу. Если вы, возлюбленная сестра, находите в себе такое сердечное расположение, то почитайте себя в высшей степени обязанной вместе со мною благодарить о том Бога; ибо малейшее действие благодати Божией несравненно драгоценнее, чем все, что только может дать нам мир сей.

Первый шаг на пути благочестия есть изменение направления жизни от вечной погибели к вечному спасению. Прошу вас, чаще размышляйте об этом пред Богом! Что не держат во внимании, то легко теряется. Чего только не дал бы сатана и падший мир за то, чтобы мы снова переменили свои мысли! Господь да сохранит от сего вас, и меня, и всех Своих чад!

Посему я, благодаря Его за вас, также и молюсь Ему, да не попустит Он врагу каким-либо образом вновь запутать вас и отвратить от Бога, или погрузить вас в духовный сон и беспечность. Ах! сколь многих я знал, кои полагали доброе начало, но спустя некоторое время вновь обращали слух к миру сему и падшему рассудку, опускали руки и падали духом! Другие, не совсем уж *озирающиеся назад* (Лк. 9, 62), останавливались на неких первоначальных благодатных действиях и изменениях, не продвигаясь далее ко всецелому новому рождению свыше (Ин. 3, 3) и внутреннему единению с Богом. Иным же, если они хотели продолжать духовную жизнь, нужна была особая великая благодать Божия, дабы им был показан истинный путь, ибо они все время уклонялись на стезю претыканий, ошибок и заблуждений. Я говорю это не для того, чтобы ввергнуть кого-то в уныние, но чтобы побудить к постоянной молитве (1 Фесс. 5, 17), крайней осмотрительности (Еф. 5, 15) и великой серьезности (Фил. 2, 12).

Если вы, дорогая сестра, спросите меня: в чем же я, по мере моего разумения, полагаю истинный духовный путь, то я отвечу вам в общем: сей путь есть тот, который возвещает нам в Евангелии Господь Иисус, когда говорит: *Если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною* (Мф. 16, 24). Здесь мы видим три заповедания; если к каждому из них присоединить еще непрестанную молитву (Лк. 18, 1), то в этих четырех положениях будет заключаться все истинное христианство; и ни падший рассудок, ни мир сей не смогут им воспрекословить. Господь Иисус, изрекший их, да даст вам всегда уразумевать и исполнять их сообразно вашему положению и состоянию.

Для лучшего уяснения сего позвольте предложить вам некое простое руководство. Представьте себе, что возлюбленный наш Спаситель говорит вам ныне, и на всякий день:

«Отвергайся себя в том, в чем ты обнаруживаешь себя. Ты усматриваешь в себе любовь, радость, упование в отношении чего-либо тварного, вне Бога; ты видишь, как проявляется в чем-либо, пусть даже и в духовном, твое самолюбие и самоугодие — *отвергнись себя*. Люби что бы то ни было не по влечению своих собственных падше-природных мыслей, чувств и желаний, но свято действуй во всем вопреки безбожной самости: в речах и делах, в прогулках и общении, еде и питии и т. д. — разумеется, без крайностей и вреда здоровью. Непрестанно молись о благодати, мудрости и силе — и *возьми крест свой*. Ты не должна сама себе устраивать крест, но принимать тот, который уже предложен тебе — будь то от мира сего, когда он презирает, осмеивает, ненавидит, истязает и гонит тебя; будь то от сатаны, когда он мучает тебя искушениями, соблазнами, злыми помыслами и внушениями и т. д.; будь то от Бога и Его Промысла, проводящего тебя чрез скорби, болезни, бесчисленные напасти и чрез духовные

испытания (как то: сокрытие и отъятие чувствуемой нами Его силы и благодати и тому подобное); будь то, наконец, от самой себя — в слабости твоего телесного состава, в болезнях, в чувстве духовной немощности и непостоянства и — даже — в прегрешениях, случающихся против воли или по некоей опрометчивости. Все это — крест; прими его на себя. Это значит: настрой себя так, что по естеству очень немного будет у тебя привольных дней на сей земле.

Мужайся и терпи; а при этом *всегда молись* о мужестве, терпении и силах — и *следуй за Мною*. Предай себя Мне со всецелым упованием. Отдай свою волю полностью в Мои руки; стань, как малое дитя, которое само ходить не может, и не знает, куда оно должно идти. Сомкни очи падшего рассудка и держись за Меня верой. Внимай движениям Моего Духа внутри себя, и как Я убеждаю, вразумляю и влеку тебя, так и следуй за Мною в простоте, *не заботясь ни о чем* (Фил. 4, 6). Я Сам прошел этот путь самоотвержения и креста; и тебя Я безошибочно проведу по нему. Я знаю лучше всего, что тебе полезно — только постоянно держись за Меня, не своди с Меня глаз; и как Я предшествовал тебе, и не перестану предшествовать внутренне и внешне, так следуй за Мною — молясь при этом непрестанно о вере, простоте и верности».

Подчеркиваю еще раз, возлюбленная сестра, что молитва необходима при всяком нашем духовном делании — частью потому, что сами по себе мы бедные и немощные творения, ничего не имеющие и ничего не могущие, как только беспрестанно молить о милостыне во вратах благодати Всевышнего; частью же потому, что мы не можем вместить много твердой пищи и получаем к ней отвращение, если нам не дают вместе с ней и молока (1 Кор. 3, 2). Учение Господа Иисуса о кресте и самоотречении для падшей природы есть все равно что твердая пища, так что, как бы сердечно мы в начале не устремлялись к ней, со временем она непременно становится для нас неудобоваримой и слишком горькой, — если только она не смягчится и не усладится чрез делание непрестанной молитвы.

Под молитвой же я подразумеваю здесь не столько просьбы, стремления и желания души, чтобы получить то или иное даяние от Бога, сколько всякое занятие нашего духа и нашей веры Богом и божественными предметами — то, что в Писании именуется *хождением пред Богом и в Его соприсутствии*. На этот краеугольный камень и благородное сокровище истинного христианства я бы хотел, дорогая сестра, обратить ваше особое и первостепенное внимание, ибо правильное его разумение и осуществление совмещает в себе всю духовную жизнь, и те заповедания Христовы, о которых мы говорим. И поскольку для себя я вижу хождение пред Богом в Его соприсутствии в высшей степени важным и нужным, то и для вас я

от всего сердца желаю, чтобы оно стало вашим единственным и непрестанным деланием.

Разъясню в немногих и простых словах, в чем заключается эта молитва, которую Господь Иисус, наш Предшественник, вкупе со всеми Своими последователями так любил и к которой так часто прибегал (Лк. 6, 12). Обще говоря, я понимаю сию молитву *как интимнейшее обращение с Богом* — когда мы веруем и познаем Бога как везде присутствующего, и особенно *присутствующего в нас*, и к Нему, как к соприсутствующему нам, часто (а по возможности — непрестанно) обращаем с благоговением и любовью наш ум и сердце; когда мы, внутренне простираясь пред Ним духом, поклоняемся Ему и прославляем Его; когда мы всецело предаем себя Ему в вечную собственность; когда мы с любовью сокровенно припадаем к Нему и ведем с Ним, как с сердечнейшим нашим Другом, искренний разговор, — чему всему научает нас вера и любовь.

Если же говорить о частностях делания сей молитвы, то, на мой взгляд, для этого, во-первых, необходимо, чтобы человек всякий раз обращался внутрь себя, как только он осознает, что чрез внешние предметы и дела он слишком отделился от Бога и от памяти о Нем. Во-вторых (что я особенно порекомендовал бы вам, дорогая сестра), надлежит выделить, насколько это возможно, некоторое особое время для такого внутри-собираения — пусть это будет хоть по полчаса или пятнадцати минут дважды в день. На это время вам нужно будет отложить все свои дела и размышления о них и поставить себя в уединении пред Богом, не только для того, чтобы возвестить Ему ваши нужды, но главным образом для того, чтобы, более чем обычно собрав рассеянные мысли и чувства, обратить ум и сердце к созерцанию Бога и Его соприсутствия, или какого-либо Его божественного свойства. Полностью раскройте перед Ним глубины своей души и в возможной для вас тишине и безмолвии внимайте, не благоволит ли Господь внутренне произвести в вас какое-либо Свое действие или что-то возвестить вам. Но все это — в простоте, смирении, тихости, и больше сердцем, чем головой, поскольку все сие должно быть делом Духа Божия, а не нас самих. Вначале это бывает тяжело и досадно нашему естеству; но дальше — легче, и, наконец, такая молитва становится истинной жизнью и свойством души, так что душа уже при жизни тела вселяется на небо, и ее осеняет мир, *превосходящий всякое разумение* (Еф. 3, 19), которого *никто не может у нее отнять* (Ин. 16, 22). Великий Бог любви да даст вам, мне и тысячам людей, ищущих Его, сущностно познать сие!

Вот, возлюбленная сестра, что ныне дал мне Господь написать вам. Молю Его, дабы Он сопроводил сии строки Своим вразумлением и благодатью! Приветствую всех ваших, боящихся Господа, никого не исключая.

Письмо 2-е

Наш взор должен быть неотрывно устремлен к горнему Иерусалиму,
ибо наша цель — единение с Богом.

Возлюбленная во благодати Божией досточтимая сестра!

Уже давно хотел я приветствовать вас письменно; и вот, наконец, представилась такая возможность.

Я желаю вам, чтобы взор всех глубинных желаний вашей души неотрывно был устремлен к горнему Иерусалиму, дабы после долгого алкания и жаждания узреть лик Божий (Пс. 104, 4) — здесь в вере, в храме нашего сердца; *тогда же*, в вышнем Иерусалиме — в совершенстве, *лицом к лицу* (1 Кор. 13, 12).

Единение с Богом в духе есть цель, которую нам надлежит непрестанно держать во внимании. Все, что способствует этой цели, должно быть нам желанно и драгоценно; ко всему прочему, встречающемуся нам во внешнем, надо относиться с великой беспопечительностью, дабы не было нам препятствия в *одном, что только нужно* (Лк. 10, 42), когда мы слишком впускаем в себя то, что не относится к Богу. Ничто, наличествующее и происходящее совне, недостойно того, чтобы мы о нем беспокоились в глубине души. Вся наша забота должна быть только о том, чтобы во всех обстоятельствах благоугождать Богу и внутренне пребывать с Ним.

С каковым пожеланием я и препоручаю вас и всех ваших, ищущих Бога, верному попечению нашего неложного Архипастыря Иисуса Христа. Приветствую вас и пребываю вашим любящим собратом.

Письмо 3-е

О том, что себя самого надлежит оставлять и забывать,
а всякое освящение искать только у Господа.

Возлюбленный о Христе брат!

Ты спрашиваешь, как мои дела. По внешнему человеку я, по обыкновению, немощную, и немощь сия скорее усиливается, чем проходит. Но мне бы хотелось, если Бог позволит, приехать к вам еще раз, дабы повидаться со всеми вами.

По внутреннему же человеку я вижу себя хоть и исполненным падшею и немощи, но при этом, слава Богу, в живом сокровенном уповании

на Господа. Я говорю — «на Господа», потому что в себе самом я не нахожу ни малейшего основания и причины, по которым я мог бы опереться на себя. Ах! как тяжело для самолюбивого и *ищущего лишь своего* творения (Фил. 2, 21) всецело оставить и забыть себя и все свое, дабы всякое освящение и жизнь полагать и искать только и исключительно в Боге! Но это единственный путь к истинному благочестию и неразрушимому миру. Ибо если человек «застревает» в себе и занимается только собой, то он или попадает в сети ханжеской само-праведности, или запутывается во многих смятениях, страхах, сомнениях и жалобах, когда он обнаруживает себя стоящим на месте или ходящим по кругу.

Обычно во главу угла ставят — поскольку для богообщения как здесь, так и в оном веке, потребна глубокая и всеобъемлющая чистота (Мф. 5, 8; Откр. 21, 27), — что мы должны совершать великие и многие дела подвижничества, дабы достичь сей чистоты. Если это правильно понимать, то это не противоречит истине; но только то, что является великим в наших глазах, пред Богом часто — детские игры, если не хуже; а то, что кажется нам детским, то порой пред Богом весьма велико (Мф. 19, 14). Бог да вразумит и наставит нас, бедных, слабых и неразумных Своих детей! Постараемся же забывать себя, а предметом нашей любви и созерцания все больше и больше делать Его. Он один сего достоин. Небольшое стихотворение выражает это таким образом:

*Краткий и легкий путь к истинному освящению —
в том, когда человек оставит все, и себя самого,
и пребывает внутри сердца, памятуя только о Боге,
детски упокоиваясь в Нем и ни о чем не беспокоясь.*

На сем заканчиваю, потому что уже нет времени, и препоручаю себя вашим молитвам, в коих я в своих душевных и телесных немощах весьма нуждаюсь. Приветствую сестру N.N. и желаю ей в ее болезни непрестанно поддерживающей ее, исцеляющей и укрепляющей благодати Божией. Иисус да благословит всех нас!

Письмо 4-е

Краткий обзор, что есть внутреннее христианство.

Возлюбленный о Христе собрат!

Твое любезное письмо я получил через брата N. Как на твои предыдущие послания, насколько мне представляется, не требовалось каких-то особенных ответов, так и на нынешнее письмо, в коем ты говоришь о своем

продолжающемся состоянии духовной тьмы и пустоты, вряд ли я смогу что-то ответить, поскольку я сам немощен и темен и весьма неопытен в путях Господних; да и все, что я мог бы сказать, ты уже и так знаешь наперед. Поэтому лучше я отвлекусь от твоих и моих частных и попробую изложить общие истины внутренней христианской жизни, как я их понимаю.

Движущая сила нашего внутреннего повреждения, или оторвавшейся от Бога *самости*, состоит главным образом в *самолюбии* и *своеволии*; сущность же и сила божественной жизни заключается в *чистой любви* и во *всецелом предании себя и всего своего Богу*. Когда самостная жизнь умалывается, тогда божественная жизнь, сообразно мере этого умаления, возрастает. Человек может быть святым в глазах людей — и при этом носить в глубинах своей души залежи самолюбия и своеволия и быть чрезвычайно далеким от чистой благодатной жизни. Ах! где христиане, кои возненавидели самостную жизнь свою (Лк. 14, 26)? И в сколь немногих можно увидеть, что они *не возлюбили души своей даже до смерти* (Откр. 12, 11)!

Когда человек только обращается к Богу, то он умирает греху и миру сему, повинувшись увещаниям совести. Новоначальный христианин строг, ревностен и неутомим во внешнем. У него много сил, и он решительно движется вперед, ибо властные побуждения благодати и страх Божий влекут его, и сладкое вкушение многих даров Божиих, чувствуемых и воспринимаемых им, как бы несут на себе душу, хотя кажется, что душа все это делает сама и чрез себя. Такой новоначальный христианин часто — подлинный герой по своим намерениям и делам. Но большой «шум», который отсюда происходит, и излишняя деятельность рассудочно-чувственных сил не дают душе по-настоящему утешиться и войти внутрь себя. Поэтому наше глубинное повреждение и падшесть большей частью остаются укорененными в сердце. Более того: самолюбие, беря повод от ревности, добродетелей и духовных даров, неприметно и тончайшим образом еще усиливается, а своеволие проявляет себя в осуждении ближних и несострадании к ним, в жесткости и закостенелости мнений, поступков и аскетических упражнений и, наконец, в постоянном само-напряжении, в упорной самодеятельности и неспособности предать себя Богу в молитве.

Поэтому сила самостной жизни должна быть осознана и выкорчевана из души каким-то иным образом. Это происходит частью деятельным, частью страдательным (приимательным*) образом.

Деятельным образом наше самолюбие искореняется, когда ему отказывают во всем, что может его питать. Христианин избегает всяких

---

* Аналогия: соотношение действительного и страдательного залога в грамматике. «Приимательный» (ц.-сл.) — принимающий (воспринимающий) действие от Бога без своего действия. Со стороны принимающего требуется «внимание веры», непротивление тому, что дается и «освобождение места» для принимаемого дара.

не-необходимых и избыточных удобств и чувственных удовольствий; он без наиуважительной причины не делает того, за что, как он знает, его будут хвалить и почитать; он хочет быть сокрытым, не привлекающим внимания, забытым; он старается сразу изглаживать из памяти то добро, какое он делает; он подвизается во всем иметь в виду Бога; он не попускает своим мыслям услаждаться чем-либо, что может стать причиной самоугождения, и т. д.

Деятельным образом ослабляется наше самолюбие, когда мы предпочитаем слушаться, а не повелевать; когда мы не делаем и не говорим ничего по горячности и порывам нашей воли, но, напротив, поступаем вопреки ей. Отношу последнее, впрочем, лишь к самым повседневным вещам (куда-то пойти, что-то сделать или сказать, что-то прочитать и т. п.), совершение или несовершение которых не причиняет нам разорения или вреда. Дела же, составляющие предмет наших обязанностей, нужно непременно исполнять добросовестно, однако и здесь — без прилепления к ним и внутреннего разгорячения, дабы мы были готовы на всякий момент по малейшему мановению Промысла Божия спокойно оставить их; и так во всем. Кратко сказать: христианин должен стремиться и внутренне, и во всех своих действиях быть тихим, доброжелательным и спокойным; если же в душе возникает нечто жесткое и неприязненное, то все таковое нужно стараться скорее погрузить в сладчайшую стихию кротости. И таким образом мы можем сокровенно и тихо тысячекратно отвергаться себя, не производя никакого шума, так что живущие с нами этого даже и не заметят. Прежде же всего необходимо наблюдать, чтобы душа действовала здесь не грубым, законническим, запугивающим и суровым образом, но мирно и мягко, посредством любви Божией, и ради сей любви.

Наилучшая же и полезнейшая деятельность, ослабляющая и искоряющая наше самолюбие и своеволие, деятельность, которой, так сказать, надлежит быть душою вышеуказанных упражнений, есть *внутреннее богообщение в вере и сердечная молитва*, для чего христианин время от времени в течение дня может и должен находить возможность уединяться. Когда душа неким внутренним, тихим, детским и нелицемерным образом поставляет себя в присутствие Господа и взирает на Него в вере, то скоро обессиливается всякое обольщение. Божие сопричастие выявляет и умерщвляет тончайшие изгибы самоугождения; жесткие и захлестывающие силы естества и своей воли теряют свою власть, делаются гибкими, мягкими и кроткими — и так душа постепенно становится способной к тому, чтобы Бог чисто и действительно открывал и приобщал Себя ей.

Все сие иногда происходит со многим услаждением, легкостью и светом; а иногда в сухости и тьме. Но это вещи побочные, не имеющие существенного значения — хотя у некоторых может дойти до того, что их внутренние скорби настолько усиливаются, что они ничего из сказанного

не могут не только осознанно и внимательно совершить, но даже и увидеть; тут часто дорог добрый совет.

Я вижу, что мое письмо становится слишком пространным, а между тем я только подошел к вопросам о путях духовной сухости, тьмы и страданий, коими умерщвляется наше самолюбие и своеволие. Но поскольку я не так много об этом знаю, то буду краток.

Есть множество разновидностей внутренней сухости, тьмы и страданий, сообразно состояниям и свойствам души. У кого-то страдания и утешения, свет и тьма переменяются достаточно часто; у других периоды страданий и скорбей длятся долго. Некоторые скорби *идут наперед*, чтобы привести душу от грубой само-деятельности и (я бы сказал) «овнешненно-го» благочестия на путь внутреннего самоотвержения и молитвы. В таких страданиях очень многие души не выдерживают пробы, и или снова возвращаются к жизни мира сего (2 Петр. 2, 20–22), или с насилием принуждают себя к оторванному от Бога само-благочестию и часто всю жизнь ходят по кругу. Некоторые скорби, чередуясь, *сопровождают* вышеуказанное духовное делание; другие очень глубокие страдания *следуют* за ним. Некоторые страдания мы причиняем себе сами; некоторые же суть Божие руководство.

Как узнать, являются ли наши скорби Божиим руководством? Надлежит исследовать себя и найти в себе: 1) страх огорчить Бога; 2) стремление к жизни в Боге, к освящению; 3) невозможность помочь самому себе; 4) смиренные мысли о себе, о своих духовных способностях и т. п. Если это есть, то все искушения, испытания, духовная тьма и сухость и всевозможные скорби и страдания несомненно идут нам не во вред, но служат только тому, чтобы обессилить и, наконец, совсем искоренить самолюбие и своеволие. Сами же эти скорби заключаются в том, что часто вместо ревности к добру, радости и легкости приходит тяжесть, расслабление и нежелание ничего делать; вместо благодатных даров — тьма, сухость и неспособность ни к чему; вместо добродетелей — многочисленные искушения, внутренние восстания и смятения, всевозможные проявления падшести и самости и многое тому подобное, так что порой бедная душа почти совсем отчаивается. Но если она выдержит сии страдания, каковы бы они ни были, то самолюбие все более будет умерщвляться, душа все более будет становиться подлинно и глубоко *нищей духом* (Мф. 5, 3) и научиться основательнейшим и истиннейшим образом веровать, что ничего доброго в ней самой по себе, без Бога, нет и быть не может; и наконец — о, желанное «наконец!» — она начнет от всего сердца с детской искренностью молиться: «*Твое* есть Царство; *Твоя* есть сила и слава во веки» (Мф. 6, 13). Ей, аминь! Упрямая и строптивая наша воля, еще долго искуснейшим образом защищающаяся и сопротивляющаяся, должна будет наконец — о, блаженное

«наконец!» — преклонить главу со Христом на кресте и погрузиться в Его смерть, из чего рождается тихая, чистая и исполненная упокоения жизнь — о чем я из опыта ничего не могу сказать.

Теперь нужно бы в нескольких словах изложить, как душа со своей стороны должна вести себя в этих скорбях; но только здесь невозможно дать какой-то один совет. Сообразно мере и образу страданий, кои бывают самыми разными, и душа откликается на них многообразными способами. Вот, однако, несколько общих соображений. 1) В состоянии внутренней скорби, духовной сухости и тьмы душа не должна напрягаться помочь себе насилием над собой, всевозможными изменениями во внутреннем и внешнем делании, удручением тела, скрупулезными исследованиями своего состояния, напряженными размышлениями о том, ломанием головы, многим чтением и т. п. Всем этим христианин только повредит себе и погрузится в еще бóльшую тьму и расстройство. 2) В особенности не стоит читать таких книг, как бы хороши они сами по себе ни были, которые требуют большого напряжения рассудка. Но читать нужно только то, что может напитать и укрепить сердце, не забывая голову многими образами; и это читать не много за раз, но умеренно, в простоте и тишине. 3) Не опускать руки, когда сии скорби длятся долго, но в возможной тишине выдерживать их, пока не придет час Господень. И когда душе представляется, что она совсем уже ничего не может для себя сделать, пусть постарается потерпеть и понести данный ей крест. 4) Насколько возможно, держать себя во внутри-пребывании и без нужды и по собственной воле не много обращаться к чувствам, или, тем более, искать в творениях ту радость и жизнь, какой на данный момент ее лишает Бог. 5) Сохранять свое обычное время для уединения и внутренней молитвы, хотя бы душа этого не хотела, и ей бы даже казалось, что во время молитвы ей становится хуже, чем обычно. 6) Хорошо различать обращенные к Богу стремления внутреннего человека и противящиеся Ему побуждения падшего естества и врага, и при всех искушениях, позывах на зло, восстаниях скорбей и т. п., насколько душа может, мягко и тихо «убегать» от них во внутреннем человеке в Бога, стараться не обращать на них внимания и держать себя так, как будто они меня совсем не касаются. 7) Не сосредотачиваться слишком много на себе и своем положении, но только на одном Боге, и занимать себя Им, всецело препоручая и предавая себя, душу и тело, Ему, верному Творцу и Искупителю, во времени и в вечности — и все сие в единении со страдающим Иисусом.

В кратком письме невозможно сказать сколько-нибудь полно о столь важных истинах внутренней жизни. Ты видишь, возлюбленный брат, что многого, от чего зависит очень немалое, я коснулся только несколькими словами, и то в общем; при этом, как я уже сказал вначале, я не имел в виду тебя лично, поскольку, во-первых, ты понимаешь все это лучше, чем я,

а, во-вторых, я не настолько точно знаю твое состояние и соответствующее ему руководство Божие, которое в разных обстоятельствах столь же различно, как различны лица людей. Надеюсь, Бог даст нам еще возможность говорить лицом к лицу. Препоручаю тебя от всего сердца верному Первосвященнику и Пастырю наших душ Иисусу Христу, да продолжит и совершит Он Свое дело в твоей душе. Вспоминай и ты обо мне, немощном, чью худость ведает един Бог.

Письмо 5-е

О том, что с чадами Божиими ничего не происходит
без воли их Небесного Отца.
Многочисленные причины внутренних разорений и рассеянности.
Два рода помыслов — головы и сердца.

Возлюбленная во благодати Господа Иисуса сестра!

Твое последнее письмо я получил с радостью. Ибо хотя мы и общаемся молитвенно в духе, но меня весьма утешает, когда я узнаю о подробностях жизни тех, кто мне близок и любим, поскольку таким образом мы можем больше и лучше участвовать в скорбях и радостях друг друга во Христе.

Твои головные боли и телесные немощи, несомненно, происходят от руки Господней, к твоей пользе. Если (думаю я иногда) ни один волос не упадет с нашей головы без воли Отца Небесного (Мф. 10, 29–30), то неужели вся голова будет так болеть без Его соизволения? Воздадим славу Отцу, Которому угодно посещать нас именно так; только да совершит Он свою силу в нашей немощи (2 Кор. 12, 9)! И здесь неважно, чувствуем ли мы от этого явную пользу, или же нам представляется, что, наоборот, ее вовсе нет. Никогда мы не должны меньше заботиться о том, что нам делать, как именно когда мы оказываемся во внутренних или внешних скорбях. Тогда все наше дело — в безграничном любящем единении веры с тем, что угодно Богу. Он Сам да научает нас непрестанно сему деланию!

Соглашусь с тем, о чем ты пишешь, а именно, что мучающие тебе рассеянность помыслов и частые духовные помрачения происходят в значительной мере от твоих нездоровых естественных свойств и от болезней, присущих твоему роду. Понимание этого в известной мере может послужить утешением и успокоением для тебя. Впрочем (как ты и сама говоришь), Господь и это содержит в Своей деснице, поскольку Он есть Господин естества; посему для нас полезнее всего принимать все из Его рук — что ты (я не сомневаюсь в этом) и стараешься делать. Но внутреннее помрачение

и рассеяние может иметь и иные причины, которые уже зависят от нас — когда мы недостаточно храним входы наших чувств в слушании, зрении, говорении etc., или когда в продолжение дня мы пускаем наши помыслы пастись на чуждые пажити. Это иногда случается и с лучшими чадами Божиими, причем по собственному их произволению, пусть и совсем не приметно. Много хуже тайное прилепление души к чему-либо вне Бога, когда сердце по страстной любви притягивается к какому-нибудь творению и пленяется им. Когда душа сознает в себе такое прилепление, и воля внутреннего человека решительно отстраняется от него, или желает отстраниться, то это есть страдание — но такое страдание не вредит душе.

Не могу не сказать и еще об одной причине, обуславливающей тысячи стеснений, помрачений и рассеянностей помыслов; может быть, и ты подвержена сей болезни. Заключается она в том, что человек слишком прилагает сердце ко всему внешнему: к делам, которые он совершает сам, к тому, что делают или говорят другие, к тому, с чем он сталкивается — неважно, приятно то или неприятно. Весьма вредит душе, когда мы слишком близко принимаем все это к сердцу, ибо чрез сие в нас проникают многие образы, затуманивающие и заглушающие внутреннюю тишину и ясность и являющиеся семенами многих разорений, в том случае, если эти семена пускают глубокие корни.

Бог и Его воля по достоинству только и должны глубоко входить в наше сердце. Но, возлюбленная сестра! избегая всего вышеупомянутого, что отводит нас от Бога, нам не следует, с другой стороны, рассеиваться и разоряться множеством собственных действий, боязливых забот, страха, печали и т. п., чрез что мы еще больше погружаемся именно в то, чего хотим избежать. Но нам нужно хотя и решительно, но при этом крайне мирно и с великим терпением отстранять себя от всего нечистого, и это все — самое главное! — с внутренним припаданием к Богу верою в средоточии души.

Чтобы хорошо понимать и исполнять сие последнее, ты должна, дорогая сестра, знать, что в нас есть два рода помыслов: рассудка и сердца. Первый род помыслов мы употребляем при наших внешних занятиях; прилагать сердце сюда не необходимо. Эти помыслы толкутся в голове, и не всегда они в нашей власти. Второй род помыслов — принадлежность глубин души, они там, *где сокровище наше, где сердце наше* (Мф. 6, 21); они должны быть целиком для Бога. Итак, я полагаю, что прекрасное искусное дело благодати, и замечательное легкое средство против всякого разорения — когда христианин, особенно во время молитвы, старается отстраниться от помыслов головы, не обращая на них, по возможности, никакого внимания, и, умаляясь, без напряжения обращается к внутренним помыслам сердца, в коих и утишается пред Богом, поклоняется Ему, любит и жаждет Его, смиряется пред Ним — и, одним словом, навькает тому, что требует

*Герхард Терстеген Духовные и назидательные письма
о внутренней жизни и истинной сути христианства:
письма 1-5 (перевод игумена Петра (Мещеринова В. А.))*

от него это благодатное состояние, не допуская, чтобы воля сослагалась с вторгающимися по временам помыслами головы. Я уверен, что мы вполне могли бы научиться этому и среди наших внешних занятий, если бы наш внутренний человек всецело предстоял пред Богом. О! да приведет нас Бог кротким привлечением Своей любви на сей путь, и мы сокроемся пред Лицом Его от всяких опасностей и разорений!

Gerhard Terstegen

**DUKHOVNYE I NAZIDATEL'NYE PIS'MA O VNUTRENNEI ZHIZNI
I ISTINNOI SUTI KHRISTIANSTVA:
PIS'MA 1-5 (PEREVOD IGUMENA PETRA MESHCHERINOVA V. A.)
[SPIRITUAL AND EDIFYING LETTERS ABOUT THE INNER LIFE
AND THE TRUE ESSENCE OF CHRISTIANITY:
LETTERS 1-5 (TRANSLATED BY HEGUMEN PETR (MESHCHERINOV V. A.))**

Abstract

Forgoing the traditional method of religious assistance of believers early protestanic communions had to find any new form of mutual spiritual support, practice of ascetics and pedagogy. Till the middle of 18th century the practice of spiritual counseling (based on the focus on the inner life of the believer and going back to the mystics and ascetics of the Early Church) developed.

A bright representative of this movement in the Church life Gerhard Tersteegen was in correspondence with a lot of believers who were searching the spiritual support. The reader is therefore referred to the letters of the thinker which is useful for expanding intellectual horizons and for the possible mutual enrichment between the christian confessions.

Keywords: Gerhard Tersteegen, protestantism, the Reformed Church, Christian mystics, correspondence, spiritual life